

АЛИСА ЖДАНОВА

АДЕПТКА ЭМИЛИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ж42

Серийное оформление — *Василий Половцев*

Иллюстрация на обложке — *Ирина Круглова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Жданова, Алиса.

Ж42 Адептка Эмили : [роман] / Алиса Жданова. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 320 с. — (Волшебная академия).

ISBN 978-5-17-156439-1

Сирота Эмили спокойно училась в пансионе благородных девиц и мечтала о большой счастливой любви. Но счастье дается лишь тем, кто готов за него бороться. Новый опекун девушки, весьма сомнительный тип, решил жениться на Эмили, чтобы не потерять контроль над состоянием, доставшимся ей от родителей. Девушка решает сбежать и спрятаться от опекуна до совершеннолетия. Правда, единственное место, где ее гарантированно не обнаружит магический поиск, — это академия магии. И да, это мужская академия. Ну что ж, по крайней мере, найти жениха в таком месте будет проще простого. Знакомьтесь — адепт Эмили, то есть Эмиль, прибыл на обучение!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-156439-1

© А. Жданова, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

ГЛАВА 1

— Эмили, тебе письма! — Ронда, вручив мне стопку конвертов, улыбнулась и пошла разносить почту дальше.

Сегодня она была дежурной и помогала нашей директрисе, мадам Фоббс. Сейчас все воспитанницы пансиона сидели в общей гостиной, и подруге не пришлось бегать по нашему двухэтажному корпусу: все ее адресаты оказались в одном месте.

Письма были уже вскрыты и прочитаны нашей директрисой, дабы ни одна нежелательная строчка не проскользнула мимо ее бдительного взгляда и не смутила покой воспитанниц. Поэтому мне осталось лишь достать первое письмо из конверта и начать чтение. И тут же слегка помятые страницы выпали из моих рук, потому что в них сообщалось, что мой опекун, дядюшка Олаф, скончался, и новым опекуном станет какой-то мистер Фиггинс. Первый раз слышу эту фамилию! Кто это вообще?

Собрав листы с пола, я закрыла глаза и медленно вдохнула и выдохнула, чтобы успокоиться. Я видела дядюшку Олафа всего пару раз, но за

последние годы он заботился обо мне лучше, чем того заслуживала малознакомая дальняя родственница. Благодаря ему я училась в превосходном пансионе, а мои платья на балах, куда нас вывозила мадам Фоббс, были ничем не хуже, чем у других девушек. Может, я хотя бы успею попасть на похороны, чтобы отдать дань уважения?

Вчитавшись в письмо от поверенного дядюшки Олафа заново, я с сожалением узнала, что его похоронили еще неделю назад, а мне просто забыли сообщить — пока из пансиона не пришел очередной счет, и поверенные не вспомнили, что неплохо бы поставить меня в известность.

— Бедный дядюшка Олаф, — пробормотала я. — Нужно написать его дочерям письма с соболезнованиями.

Теперь аномальная толщина стопки писем стала понятна — наверное, это были соболезнования мне. Однако, вопреки ожиданиям, второе письмо оказалось посланием от моего нового опекуна, мистера Фиггинса. Вздохнув, я поднесла первый лист к глазам, но уже через несколько секунд вскочила на ноги, потому что в письме мистер Фиггинс в самых вежливых выражениях приказал мне выйти за него замуж. В следующие выходные.

— Да как он смеет! — с возмущением прошипела я.

Незнакомый мне пока мистер Фиггинс вряд ли влюбился в меня с первого взгляда, так как мы никогда не встречались. Скорее, приступив к опе-

кунству и изучив, сколько приносит мое поместье и удачно вложенные дядюшкой Олафом средства, он решил не упускать плывущий ему в руки куш. А тот скоро должен был так же стремительно из них уплыть, потому что через два месяца мне исполнится восемнадцать лет, после чего потребность в опекуне отпадет.

Нужно поговорить с мадам Фоббс, решила я и, не откладывая в долгий ящик, направилась в директорский кабинет. Мадам всегда хорошо ко мне относилась... Может, она сумеет помочь?

Дорога до кабинета казалась бесконечной. Наконец я постучала в тяжелые двери из темного лакированного дерева и, получив разрешение, зашла внутрь.

— Увы, ничего сделать нельзя, — развела руками почтенная дама, выслушав мой сбивчивый рассказ. — С точки зрения закона, он имеет полное право заставить свою подопечную выйти замуж за того, кого считает наиболее подходящей для нее партией.

— Может, вы хотя бы знаете, как он выглядит? — с совершенно несчастным видом спросила я. — Сколько ему лет?

Может, этот Фиггинс молод и хорош собой?

— Вроде бы я о нем что-то слышала, — мадам Фоббс задумчиво побарабанила пальцами по подбородку. — Да, точно, мне о нем рассказывали. Боюсь, он старше тебя раза в три, и у него уже взрослые дети твоего возраста.

Кошмар! Мало того что этот тип, судя по всему, намеревается прикарманить мои средства, так он еще и почти старик! И не стыдно ему?

— Однако, — тут мадам Фоббс, кашлянув, бросила грозный взгляд на свою секретаршу, и та тут же упорхнула из кабинета, — до твоего совершеннолетия осталась всего пара месяцев. Может, тебе есть у кого временно погостить? Какие-нибудь дальние родственники, у которых тебя не станут искать?

Я задумалась. Родственников у меня мало, а тех, у которых меня не будут искать, и вовсе нет. Однако... мне могли помочь друзья! Точнее, друг.

— Вот и славненько. — Поняв, видимо, по моему посветлевшему лицу, что я нашла решение, директриса встала. — Знаешь, на этой неделе я буду водить всех учениц на прогулки в парк. А у меня в последнее время такое плохое зрение, что я не вижу дальше собственного носа, — посетовала мадам Фоббс, и я, поняв, о чем она, горячо поблагодарила и, присев в книксене, покинула комнату.

Если я поняла все правильно, мадам Фоббс намекает на побег. Да это же гениальная идея! И я даже знаю, кто мне поможет и у кого можно будет спрятаться, — у моего друга детства, Генри Кармайкла.

В общем, я решила поступить как настоящая женщина и перевалить свои проблемы на мужчину. Однако для этого мне требовалось для начала с ним встретиться. Поэтому, когда в этот же

день после обеда мы стройной колонной выдвинулись из пансиона в парк, я была начеку.

Мадам Фоббс шла впереди, словно ледокол, раздвигая в стороны редких прохожих, а мы гуськом следовали за ней. Все воспитанницы носили одинаковые голубые жакеты, одинаково скромно смотрели в землю и вызывали одинаковое одобрение проходящих мимо джентльменов. На одного из них — зеленоглазого шатена в безупречном темном пальто и шляпе — я выразительно посмотрела и несколько раз кивнула в сторону парка. Он, кивнув в ответ, тут же изобразил скучающий вид. Однако я знала, что едва наша группка скроется за поворотом, как он понесется по проулкам огромными прыжками, чтобы прибыть на наше место раньше меня. Генри всегда бегал быстрее, чем я.

В парке, как обычно, мы размеренно пошли по дорожке, подстраиваясь под шаг мадам Фоббс. Директриса, верная своему обещанию, смотрела на облака, на птичек — куда угодно, только не на нас. Стоило нам поравняться с клумбой пышных роз, как я, приотстав, в два шага скрылась за ними и пробралась по знакомой дорожке среди густой растительности.

— Генри, ты уже тут! — обрадовалась я, выходя из-за деревьев к беседке, густо обвитой плющом. — Мне срочно нужна твоя помощь!

Мой друг, подпирающий стену беседки, отлепился от нее и пошел мне навстречу. Каждый раз удивляюсь, как он вымахал за последние пару лет!

Я еще помню времена, когда мы с Генри были одного роста, а теперь моя макушка едва достает ему до плеча.

— Что такое? В пансионе опять объявили диету перед балом? Ты же знаешь, я всегда готов прийти на спасение даме, — шутливо отозвался Генри, протягивая мне пакет с эмблемой кондитерской. Заглянув в него, я с благодарностью посмотрела на друга:

— Спасибо! Шоколадные, мои любимые!

— Я не зря ношу почетное звание лучшего друга, — хвастливо заявил он, и я стукнула его перчаткой, чтобы не зазнавался.

— Генри, у меня проблемы посерьезнее диеты на овсянке, — трагично произнесла я, деловито запихивая пакет в карман: в пансионе у меня были подружки, которые тоже хотели пирожных. Карман от этого криво вспучился, но ничего, как-нибудь протащу контрабанду в пансионат, не впервой. — Мой опекун, дядюшка Олаф, умер... А новый, какой-то мистер Фиггинс, требует, чтобы я вышла за него замуж!

— Что? — Генри, до этого слушающий меня со спокойным выражением, дескать, какие могут быть проблемы у девушки, округлил глаза. — Он что, может просто так взять и потребовать?

— Да, — уныло подтвердила я. — Мадам Фоббс сказала, что по закону до своего совершеннолетия я должна его слушаться. А до этого целых два месяца, он десять раз успеет взять меня в жены!

— Тогда выходи быстренько за меня, — предложил друг, и тут округлила глаза я.

— Ага, а потом ты влюбишься и будешь обвинять меня в том, что из-за меня не можешь взять свою избранницу в жены, — скептически отозвалась я. Да и мне хотелось выйти замуж по любви, а не за Генри. Не то чтобы он был плох, просто... это же Генри! Лучший друг, которого я знаю с пеленок. Мы вместе лазали на чердак и пугали служанок, набросив простыни на голову и притворяясь привидениями. Если я до сих пор не влюбилась, то этого уже точно не случится.

— Кстати, — оживился Генри, и его глаза загорелись в предвкушении. — Как тебе Китти Ватсонс, с которой я танцевал третий танец на последнем балу? Одобряешь?

Подумав пару минут, я безапелляционно бросила:

— Нет. Ты ее не любишь.

— Это почему? — возмутился он. — Я чувствую себя очень даже влюбленным! Вчера я почти написал грустный стих. Хочешь, продекламирую?

— Потому, — наставительно ответила я, садясь на скамейку перед беседкой и чувствуя себя ужасно умудренной опытом. Опыт был не моим собственным, а позаимствованным из книг, ну да ладно. — Потому что когда ты по-настоящему влюбишься, то приведешь свою даму сердца ко мне и скажешь: «Вот моя невеста. Я люблю ее и собираюсь жениться, и тебе придется принять

мое решение». И не будешь спрашивать моего мнения. Вот тогда я пойму, что ты действительно влюбился.

— И откуда в тебе столько мудрости? — притворно восхитился Генри и нажал мне на нос, чтобы не зазнавалась. — Ладно, так что будем делать с твоим женихом-опекуном? Может, сбежишь из своего пансиона и поживешь в моем городском особняке? Хотя нет, там тебя быстро найдут. Тогда давай я сниму тебе тихий домик в пригороде! Переждешь чуть-чуть, и будешь свободна от всяких Фиггинсов.

— О, отличная мысль! — обрадовалась я. Сама я до совершеннолетия не могла распоряжаться ни центом, поэтому предложение друга было весьма кстати. — И еще мне понадобится служанка, и кухарка, и...

— Ничего не выйдет, — вдруг перебил меня Генри, и нарисовавшиеся перед моим мысленным взором служанка с кухаркой растаяли, как дым. — Тебя будут искать, а магический поиск сразу же покажет, где ты. Поэтому нужно спрятаться в месте, где из-за магических колебаний поиск сбоят и человека невозможно обнаружить.

— А что это за места? — деловито спросила я. Генри учился в самой настоящей магической академии, и в вопросах магии ему можно было довериться. У меня тоже имелся дар, но в нашем пансионе уделяли больше внимания вышивке, чем заклинаниям.

— Тюрьма, дворец, дом для душевнобольных магов, — с воодушевлением перечислил Генри, плюхаясь рядом со мной и загибая пальцы. Я скривилась — попасть в одно из этих мест было невозможно, а в остальные как-то не хотелось. — О, и магические университеты и академии тоже! Там столько магов в одном месте, что заклинание поиска просто не работает. Придумал! — Он вдруг развернулся ко мне со вспыхнувшим энтузиазмом во взгляде, и я поежилась. Последний раз, когда я видела этот взгляд, мы сбежали поглазеть на ярмарку, и потом меня на месяц оставили без сладкого. — Ты можешь поступить в мою магическую академию!

— Генри, — я мягко улыбнулась. Мадам Фоббс учила нас, что, когда мужчины говорят глупости, им нужно противостоять с улыбкой, — но... это же мужская магическая академия!

ГЛАВА 2

— Вот именно! — Генри воздел палец к небу, словно призывая его в свидетели своей гениальности. — Девушку там искать не будут! Переоденешься в мужской костюм — и сойдешь за адепта академии. Помнишь, какой миленький из тебя получился пастушок на домашнем спектакле два года назад?

Вообще-то это было два года назад, как он верно отметил. Я недовольно засопела. Кое-кто мог бы

сделать вид, что за последние два года я так расцвела, что теперь уж меня за пастушка не примут. Хотя, конечно, если не надевать корсет, а наоборот, обмотать талию полотенцем, чтобы казалась шире, и надеть тугое белье...

— Нет, — одумавшись, я покачала головой. — Меня же поселят в одну комнату с мужчинами! Моя репутация будет разрушена, не говоря уже о том, что они мигом меня разоблачат.

— Поселишься со мной, — предложил друг, — а я это время стану ночевать в своем городском особняке, старшекурсников отпускают. Будешь одна в комнате, и никто тебя не побеспокоит!

А ведь если я буду жить одна, то риск гораздо меньше... Я могу просто сидеть целый день в комнате, ну и изредка ходить на занятия. Мне же не важны оценки? Вот и стану неуспевающим студентом, зато через два месяца выйду на волю, то есть из академии, уже свободным человеком, которого никто не заставит выйти замуж!

— А документы? — вдруг вспомнила я одно немаловажное обстоятельство.

— О, как тебе повезло, моя дорогая Эмили! — Генри с достоинством поклонился, словно ему всю рукоплескала восторженная публика. — Ведь у меня есть знакомый, у которого есть знакомый, который может добыть что угодно. Будут у тебя документы.

— Фальшивые? — возопила я и тут же, оглянувшись, перешла на шепот: — Генри, тебе не

нужно водиться с такими знакомыми! Пообещай, что ты не будешь иметь с ними дела!

— Пообещаю сразу после того, как добуду тебе фальшивый паспорт и метрику, — заверил Генри. — Ну так что, согласна на эту авантюру?

Я напряженно размышляла. Конечно, будь у меня возможность спрятаться в женской академии магии, все было бы гораздо проще. Но, к сожалению, в Эггериионе учиться в университетах и прочих академиях могут только мужчины. Женщинам же уготована судьба хранительниц очага, и образование, по мнению большинства, нам ни к чему. Так что и выбора, где прятаться, у меня особо не оставалось. Генри прав. Когда этот мистер Фиггинс поймет, что все денежки, поместья и земли, уже было оказавшиеся в его руках, могут так же быстро из них выскользнуть, он не поспеет и пустит по моему следу магов. И если я не спрячусь в академии, то найдут меня быстро.

— Я согласна, — храбро заявила я. Если правда откроется, то моя репутация будет разрушена, и ни один приличный человек не станет со мной даже здороваться. А если я не решусь на эту авантюру, то скоро стану миссис Фиггинс — и тогда даже все приличные люди мира, здоровающиеся со мной с утра до вечера, покажутся слабым утешением. Однако, посмотрев на Генри, я заметила в его взгляде не восхищение моим мужеством, а скепсис.